

ЕЛЕНА МЕЙСАК

# БЕЗ ПРАВА

# НА ВОЗВРАТ



СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

ЗАПРЕТНАЯ  
ЗОНА

# Елена Владимировна Мейсак

## Без права на возврат

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=38840411](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38840411)*

*SelfPub; 2020*

*ISBN 978-5-532-10846-2*

### **Аннотация**

Ольга Воронова, хозяйка съеденного кризисом интернет-магазина, доведенная до отчаяния безденежьем, решается на безрассудный шаг. В аэропорту, куда она едет, отключаются источники питания, и ее регистрируют на несуществующий рейс. Она попадает в прошлое, которое хочет забыть. Всплывает и история об умершем женихе, скоропостижная смерть которого двадцать лет оставалась загадкой для всех. До сих пор никто не знает, было ли это самоубийство, заказной несчастный случай или просто неудачное стечение обстоятельств. Удастся ли оформить возврат некачественного прошлого? Спросите умершего. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	49
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

И видит Бог, возврата нет

С дороги в пятьдесят тобою

непрожитых лет...

# Глава 1

<sup>1</sup>С трудом водрузив на ленту увесистый чемодан пурпурной расцветки, она медленно повернула голову и сквозь автоматические двери аэропорта прощально оглянулась назад. Аллея помахала ей облетевшими макушками прошлого, будто бы облысевший от времени старик сожалел о том, чего не было.

Грустно выдавив очередную порцию воздуха из легких, она подумала, что этот жест недоброй воли просто обязан заставить ее жизнь подняться уже, наконец, с колен и исполнить бенефис в ее честь. Она так решила, а раз уж она так решила, иначе и быть не могло. Еще раз посмотрев на деревья, клонившие голые ветви вбок под силой холодного ноябрьского ветра, она решительно направилась через рамку металлодетектора в здание аэропорта, словно сквозь зеркало времени пройдя в свое новое завтра.

Стойка регистрации удивила отсутствием очереди на рейс. Судя по распечатанному еще дома билету, она полетит в солнечную Хургаду на двухэтажном Боинге 747-400, в который влезает без малого 500 пассажиров, но ни одного из них здесь, кажется, не было.

---

<sup>1</sup> Все события данной книги являются художественным вымыслом. Любые упоминания любых лиц, мест, событий, обстоятельств и ситуаций являются непреднамеренными.

Скованная этим удивлением, она подходила все ближе и ближе пока, наконец, не увидела рядом сотрудницу с бейджем авиакомпании Трансаэро.

Это была не просто ее любимая авиакомпания, а почти что подруга, которая однажды открыла ей манящий мир путешествий. Ей нравился бизнес-класс в громадных Боингах, больше похожий на первый: предупредительное обслуживание, бокал шампанского в запотевшем стекле, горячие махровые полотенца перед взлетом, сыр с плесенью и огромные кресла, раскладывающиеся почти что в кровать.

По природе своей она была слегка тревожным, скорее даже немного мнительным человеком и потому отчасти побаивалась перелетов и связанной с ними воздушной болтанкой. Но на втором этаже Боинга в бизнес-классе Трансаэро жизнь переставала быть просто жизнью и превращалась в волшебную сказку.

Даже неоднородные слои воздуха и боковой ветер ощущались совсем иначе, когда ты не сидишь, плотно упираясь коленями в переднее кресло, а лежишь в новеньких хлопчатобумажных тапочках, уютно завернувшись в мягкий плед!

Во рту появился горьковатый привкус. Сегодня у нее тоже был билет в бизнес-класс. Но этот аэропорт еще не знал, что совсем нескоро увидит ее вновь. Сегодня «Джамбо» увезет ее в другое будущее.

Нет, она не то, чтобы бежит, но жизни осталось не так уж и много, и, судя по всему, ее резервы пробных попыток были

исчерпаны. С холодной ноябрьской очевидностью приходилось признать, что все ее мечты разлетелись на сотни деревянных щепок, и счастливой ей уже не быть.

А если ей суждено коротать свои годы в одиночестве, едва сводя концы с концами, то не лучше ли делать это, нежась в ласковых водах сапфировых оттенков, чем, мотаясь по многочисленным собеседованиям в трескучий мороз, слушать бесконечное «Мы вам перезвоним?»

С этой авиакомпанией она была навеки повенчана узами доверия еще со времен своего первого полета в Тайланд. Тогда, благополучно приземлившись в аэропорту Бангкока, она пообещала себе, что отныне будет летать с ними всегда.

С тех пор прошло десять лет, и она летала с ними в болезни и здравии, печали и радости. И даже обанкротились они почти в один и тот же день.

Пудовым грузом упали на дно и вдребезги разбились все надежды, вместе с ее интернет-магазином бытовой техники и электроники.

До сих пор она не может простить себе той глупости, что влезла в бизнес, в котором ничего не смыслила. В тот день, когда она получила из налоговой уведомление о закрытии, она стояла на улице, полностью потерянная, вдыхая слишком теплый для столь поздней осени воздух, пропитанный ароматом пожухлых дубовых листьев, и смотрела в темное небо, в котором увидела почти такой же Боинг в знакомой ливрее.

В голову полезли странные мысли. Она почему-то стала думать о том, что же чувствует в данный момент пилот этого самолета, который уже через месяц с хвостиком останется без любимой работы.

На что он будет кормить своих детей? Приходилось ли ему, так же как и ей, хвататься за любую не прибитую к асфальту работу, чтобы иметь хоть какие-то деньги в руках? Она, даже несмотря на вылетевший в трубу интернет-магазин, всегда могла найти что-то, что не давало ей опухнуть с голоду.

Но какая халтура согласится отдаться пилоту международных авиалиний? Что, если он от отчаяния прямо сейчас сойдет с ума и пустит самолет вниз на жилой дом, вместе со всеми пассажирами?

Она тряхнула головой. Ну что за мысли лезут ей в голову. Кажется, решение свое она приняла вовремя. Лучше уж не вылезать из моря, чем из депрессии. Так и родилась ее идея купленную загодя турпоездку превратить в переезд. И в этот необычный полет она тоже полетит с Трансаэро. Ведь они продолжают работать до середины декабря.

Буквально за неделю вся ее жизнь пошла с молотка: была продана машина, собраны в дорогу вещи, сдана одна крохотная квартирка и снята другая, на самом берегу моря. Но на душе все равно ревел холодный арктический ветер, сдувая с асфальта забрезживший лучик надежды.

Из размышлений ее вывел какой-то щелчок, после чего

свет во всем здании аэропорта неожиданно погас. Буквально через несколько секунд освещение появилось вновь, заставляя все компьютеры на стойках регистрации рейсов спешно перезагрузить систему.

Тем временем печальная пассажирка втащила свой чемодан на ленту и положила на стойку паспорт и билет. Дождавшись загрузки компьютера, сотрудница авиакомпании как-то подозрительно взглянула на монитор, а потом нерешительной рукой взяла паспорт. Через несколько минут на стойке появился посадочный талон.

Пройдя паспортный контроль и досмотр, пассажирка переместилась в «чистую зону». Процедура была ей привычной, раньше, когда бизнес приносил неплохой доход, летать приходилось довольно часто: то на переговоры, то на конференцию, то на отдых. А теперь неизвестно, когда еще удастся наскрести денег на обратный билет. Ведь придется же когда-нибудь вернуться.

Набрав в дьюти-фри не слишком нужной в повседневной жизни мелочевки и повернув в сторону выхода, она чуть было не подпрыгнула от неожиданности. Брошенная впопыхах корзинка с мелочевкой опрокинулась прямо на кассе, рассыпая покупки по полу магазина.

Одинокая путешественница стремглав подбежала к выходу, откуда ее должен был забрать самолет. Так и есть, голос не ошибся. Табло вещало, что рейс UN-849 в Хургаду отменен!

Она начинала закипать, словно перегретый чайник. Этого следовало ожидать, ей богу! В связи с банкротством авиакомпании многие рейсы задерживались, и часто надолго. И надо же было этому всему начаться, когда она уже купила злополучный билет! И сейчас рейс не просто заставил себя ждать, он был вообще отменен!

В нервной лихорадке она заметалась по терминалу. Что же ей теперь делать? Как улететь? Она пошла искать представителя авиакомпании, для чего ей пришлось пройти через бетонную кишку и попасть в другой терминал. Девушка на стойке, услышав ее вопрос, удивленно вскинула татуированные брови и спросила:

– А что же, туроператор вам не сообщил? Вчера вечером по распоряжению Министерства Транспорта все рейсы в Египет были отменены на неопределенный срок.

– Но почему?

– Женщина, вы телевизор смотрите?

– И что я должна была там увидеть?

– Про катастрофу рейса из Шарм-эль-Шейха слышали?

Про катастрофу она, конечно, слышала. Но как это все было связано с рейсом в Хургаду и тем, что перелеты в Египет вообще прекратили? Она явно что-то упустила.

В ответ на непонимающий взгляд девушка нехотя продолжила.

– Рейсы отменены в целях безопасности. Есть основания предполагать, что на борту самолета произошел теракт. По-

жалуейста, обратитесь в наш офис с заявлением о возврате билетов. А сейчас, пожалуйста, пройдемте, я провожу вас в зону прилета, чтобы вы могли получить ваш багаж и погасить штамп о выбытии в паспорте. Не понимаю, как вообще так произошло, что вас зарегистрировали на рейс. Ведь еще со вчерашнего вечера все рейсы сняты, всех туристов предупредили... Видимо, виноват недавний сбой в электропитании, что-то случилось с компьютерами на регистрации.

Незадачливая путешественница вспомнила подозрительный взгляд служащей из терминала вылета.

Какими-то неведомыми ей ранее тропами они вернулись в зону прилета, и сейчас шли по длинному коридору к паспортному контролю. Она хорошо помнила, как прилетела сюда полгода назад с кипрского Пафоса.

«С пафосом прибыла из Пафоса», – пошутила она тогда. Хотя пафосом это назвать было сложно даже с натяжкой, ведь ее отдых был коротким как электрическая искра, потому что денег хватило всего на три с половиной дня. Но даже эта передышка оказалась спасительной в ее вечной погоне за радостью, которая в то время уже взяла курс в сторону плоского штопора.

Сейчас, смешавшись с толпой людей, прибывших с какого-то рейса, она задумчиво шла по коридору, в голове ее рисовыми хлопьями кружили разные мысли.

Она корила себя за то, что оказалась такой душой и всю последнюю неделю не смотрела телевизор. Как можно бы-

ло оказаться такой беспечной! Мало ли что в мире могло случиться за это время? Она, видимо, забыла, что в Египте уже отгремели две революции, причем не так уж и давно. Но смотреть прямо перед вылетом телевизор, на все лады расписывавший ужасы недавно произошедшей трагедии, было просто выше ее сил. Она и так-то боялась летать, а насмотревшись, как большие и маленькие журналисты высказывают разные домыслы и догадки о случившемся, правдоподобные и не очень, она вряд ли смогла бы подняться на борт.

Поэтому-то она так старательно игнорировала все новости последних дней и даже не заходила на сайт туристической компании, продавшей ей загадочную путевку в однозвездочный египетский отель с перелетом бизнес-классом.

А ведь наверняка там были вывешены все изменения рейсов! Она вспомнила, что вчера ей кто-то звонил. Но она была так занята упаковкой мыслей в полиэтилен, что, решив, что ей звонят с очередным спамом очередные салоны красоты, просто не взяла трубку.

Хотя, что бы это изменило? Ровным счетом ничего. Возможно, сэкономила бы пару часов времени, но вот время-то ее как раз в экономии сейчас не нуждалось. В отличие от денег. Непонятно только, как все это было связано. Ведь упавший борт летел в Питер из Шарм-эль-Шейха. А она собиралась лететь в Хургаду из Москвы. Видимо, это просто не судьба.

Вдруг рисовые хлопья остановились, и, забуксовав в ко-

ридоре времени, спешно посыпались вниз, словно из дырявого мешка. Навстречу ей шел мужчина. Так ей показалось, по крайней мере. Обычно она не любила разглядывать прохожих, но этот человек приковал ее внимание, словно пудовыми цепями. Его походка показалась ей знакомой. Однако не успела она ухватить за хвост эту мысль, как на смену ей прилетела другая: «Почему он идет сюда, а не отсюда? Ведь паспортный контроль совсем в другой стороне? Наверное, заблудился, страдалец».

Вдруг по ее коже легкой поземкой побежал холодок. Все мельчайшие волоски на теле поднялись дыбом. Мужчина как две капли воды был похож на... Господи, видимо, нервное напряжение, закручивавшееся в тугую пружину все последние полгода, рвануло напалмом, лишив ее остатков рассудка. В свете последних событий кто только не померещится.

Когда они поравнялись, она, раскрыв рот, провожала его взглядом. Голова, потеряв все представления о приличиях, вывернулась назад. Как же они были похожи! Одного роста, та же пружинящая походка, квадратный волевой подбородок, непослушные волосы с охристым подтоном, все один к одному! Одет незнакомец был в повседневную форму, а на плечах красовались погоны майора полиции. Вроде бы, ничего особенного на первый взгляд, с той лишь разницей, что форма эта была... слегка странной, что ли. Она мало что понимала в милицейской форме, но ее внимания хватило, что-

бы запомнить хотя бы то, что сейчас в полиции носят более темную форму, и более элегантную, на ее взгляд.

На мужчине же была форма, которая годилась разве что для археологического музея. Такую сейчас никто уже не носил, это было ясно даже ей. Еще более нелепо выглядело то, что, несмотря на глубокую осень, пальто у него с собой не было, на плечах красовался лишь китель устаревшего образца, а на голове – такого же образца фуражка.

По-видимому, его обглаживали какие-то неведомые мысли, словно моль старую дубленку, потому что, проходя мимо, он не обратил на нее ни малейшего внимания. Но ее глаза так долго сверлили в нем дырки, что в итоге он, все-таки, обернулся. В тот момент взоры их встретились, и ее словно прожгло раскаленной кочергой времени. Этот взгляд был ей тоже знаком!

Она категорически отказывалась верить во всю эту постперестроечную чушь, когда люди посвященные говорили, что у каждого человека есть двойник, одиноко скитающийся где-то по миру. Но сейчас, глядя на этого мужчину, она словно бы вновь встретила в нем... с Генкой Сафоновым, ее женихом, погибшим при весьма странных обстоятельствах двадцать лет назад.

Наверное, этот неуместный гость столицы прилетел откуда-то из южных широт, раз забыл пальто. Судя по форме, он был беден, как церковно-приходская мышь, видимо, в органах уже давно не работал и донашивал остатки роскоши,

благо хоть дыр на форме не было. А раз заблудился в коридоре зоны прилета, то можно было поспорить, что и летал он в последний раз тогда, когда получил в дар от государства этот музейный экспонат. Сейчас выйдет вновь к самолетам, поймет, что ошибся, и побредет обратно.

Они спустились вниз, где ей вновь пришлось пройти паспортный контроль. Сотрудница авиакомпании что-то быстро объяснила девушке в форме, после чего попрощалась и спешно ушла.

– Воронова Ольга Александровна?

Она молча кивнула.

– Добро пожаловать домой, – поприветствовала ее девушка за стеклом, шлепнув в паспорт штамп.

Такому юмору можно было лишь позавидовать. Пройдя далее в зону выдачи багажа, она увидела огромную очередь у ленты транспортера. Дождавшись, пока толпа расхватывает свои чемоданы и разойдется, она взяла с ленты свой одиноко круживший лиловый багаж и направилась к выходу.

## Глава 2

Устало плюхнувшись на сиденье такси, она оказалась с головой накрыта новой лавиной мыслей, постепенно вытеснившей воспоминания о столь же мимолетной, сколь не менее странной встрече. Что ей теперь со всем этим делать?

Допустим, деньги за авиабилет ей еще вернут, вопрос лишь, когда. Но двухмесячный аванс за квартиру в Египте она уже внесла, и удастся ли ей хоть что-то забрать назад в текущих обстоятельствах, неизвестно. И потом, ее собственная квартира... арендаторы въезжают завтра, а значит, остановить их время еще есть. Но вот деньги... все опять упирается в них. Полученный аванс придется вернуть, да еще и со штрафом за расторжение договора, и комиссионные, осевшие на счетах агентства, ей уже никак не забрать.

И машина... ее последняя надежда. Деньги, вырученные от продажи, она отложила на черный день. И судя по вырученной сумме, он настанет очень скоро. Как уберечь себя от того, чтобы не наброситься с голодухи на собственный капитал и не выпотрошить его дотла? Так, ладно. Нужно подумать, что со всем этим делать. Раз все пошло настолько криво, времени на залипание мыслей нет.

Сегодня же разошлет резюме на все вакансии снова. А вечером пойдет ловить заказы на биржу фрилансеров. Продать бы золотые украшения, да ничего уж не осталось. Все подар-

ки от друзей, бывшего мужа и родни она уже давным-давно спустила в ломбард по цене позапрошлогоднего лома. Ну да ладно, с протянутой рукой не ходила, а значит, сожалеть не о чем.

Такси растворилось в километровой пробке. Казалось, конца и края этому не будет. Безденежье, пробки, грязь и вечная зима, летящая из-под колес грузовиков прямо на лобовое стекло. Нескончаем круговорот сансары, в который она попала.

После решения уехать она вконец разругалась с семьей, патриархальный уклад которой схватил ее фантазию прямо за нежные крылья и стряхнул с них всю пыльцу, не оставив пространства для полета.

Близкие вроде бы люди оказались последними, кто пожелал понимать, что можно просто взять и поехать туда, где ты еще в состоянии прожить на то, что способна заработать. Нет, ну как же так? Где твоя верность брачным устоям?

Как донести до этого уклада, что она в разводе, а значит, утлое суденышко, перевозившее их с мужем брачные устои, не устояло перед шквалистым ветром, сдувшим их иллюзорное счастье прямо в ловкие руки молоденькой кокотки.

Почему бы им не принять тот факт, что всего клея мира не хватит, чтобы воскресить из щепок эту посудину, а значит, их брачный манускрипт прочитан и навеки опечатан.

Все ее прошлое кричало о том, что сломанные союзы подлежат лишь обмену и возврату, но никак не ремонту. Отчего

же никто не верит ей?

Почему вместо того, чтобы начать новую жизнь, она должна спасать старую? А главное, зачем?

В ухе писклявым комаром задрезжал зудящий денежный вопрос. Эта лодка ее жизни оказалась еще более хлипкой, чем семейная. Суровым ветрам даже сильно трудиться не потребовалось, чтобы управляемая неудачницей посудина перевернулась, едва только выйдя в открытое море.

Что при таком раскладе давали ей брачные устои? Нужно бы спросить озлобленную на весь мир продавщицу из продуктового магазина в доме неподалеку, почему это она не желает продать чабату с оливками за брачные устои, а с такой дикой самоуверенностью требует за нее целых сто рублей.

Выходит, что когда дело касалось ее жизни, эти устои ценились, как екатерининский целковый: ценность его высока, но с ним ее даже в автобус не пустят.

И потом, с каких это пор переезд в другой город стал считаться нецензурным? Она ведь по-прежнему будет платить налоги, где бы ни находилась. Вот, недавно она заплатила налог на автомобиль, хотя по большей части он простоял на парковке, за которую, кстати, тоже пришлось заплатить. И все потому, что денег на бензин не было, да и на ремонт тоже.

Но ее староверческая семья не только хотела навеки повязать ее трухлявыми кандалами прошлого, но и почему-то уверовала, что лучше довольствоваться нищим заработком, чем достойно питаться свежими фруктами.

Конечно, можно питаться свежими фруктами уже здесь и сейчас, только вот у нее уже все носки на ногах сгорели от обивания порогов жадных работодателей, которые тоже любят есть свежие фрукты, а потому платить за переводы и тексты хотят по три копейки.

Вчера курьер привез заказанный на распродаже купальник. Расщедрившись перед поездкой, она отвалила ему целых пятьдесят рублей чаевых, которые он взял, не снимая каменной маски с лица. Подумать только, даже не обрадовался! За эти пятьдесят рублей ей пришлось потратить целый час, переводя бестолковые посты про котиков в социальных сетях, не говоря уже о времени, потраченном на поиск заказчика, а он еще и нос воротит!

Она тихо вздохнула. Нужно подумать о чем-то возвышенном, хотя сейчас это и нелегко. Она опять начинает мысленно брюзжать, словно столетняя бабка, хотя ей всего-то сорок лет исполнилось недавно.

За этими занимательными мыслями она не заметила, как ловко вынырнув из пробки, как умеет делать только водитель такси, шофер уже подвозил ее к дому. Кто-то сломал доводчик у двери, и теперь голодное темное чрево подъезда нетерпеливо поджидало свою новую жертву.

Дождавшись лифта и уже почти занеся нежно-пурпурный багаж над кабиной, она, увидев, что кого-то стошнило колбасой прямо на свежепорванный линолеум, на секунду подвисла, после чего брезгливо отдернула ногу.

По счастью, в доме был еще один лифт, и он оказался почти девственно чистым. Вот только влезть в него с чемоданом оказалось делом весьма неблагодарным. Не дождав-шись, пока она с комфортом устроится, лифт злобно закрыл пасть, зажав в ней ее пальто.

Наконец она зашла в квартиру. Вымыв руки с дороги и приставив чемодан к стенке, она поняла, что проголодалась и подошла к холодильнику. Так и есть, пуст! Да еще и от-ключен. Нужно заказать пиццу с доставкой, благо недавно ей положили в почтовый ящик рекламу. Она зашла в комнату, включила компьютер, вонзив пароль в распростертое окно.

Она не могла понять, почему чувствует себя так неуютно в собственной квартире. Неужели ее нервы настолько расшатаны? День был пасмурный, но свет ее почти слепил. Что за черт? Она резко дернулась, встала и подошла к окну. И вдруг непроизвольно отшатнувшись, села на стул снова. По-том вышла из комнаты, зашла в ванную и умыла лицо хо-лодной водой. Вернулась опять и посмотрела в окно, не веря собственным глазам.

Многоуровневый торговый центр «Пудель» с супермарке-том, зоопарком, киноплексом и огромной парковкой, отгро-ханный прямо под ее окнами, таинственным образом испа-рился! Исчезли и свежестроенные небоскребы на горизон-те.

Перед ней, как и много лет назад, вновь простирался за-брошенный пустырь, заросший травой и огороженный поко-

сившимся железным забором, дребезжащим на ветру. Что за черт?! Она снова протерла глаза, пытаясь понять, что произошло с миром.

В это же самое время таинственный пассажир в милицмейской форме устаревшего образца покинул здание аэропорта. Предшествующие несколько часов дались ему нелегко. Заблудившись в зоне прилета, он, после наматывания километров по коридору, наконец-то попал к кабинке паспортного контроля. Офицер, посмотрев на его паспорт, потом на него, потом снова на паспорт, пригласил его проследовать в особую комнату.

В этой самой комнате ему до скрежета в зубах надоели расспросами, почему он пытался пересечь государственную границу с просроченным загранпаспортом, да еще и советского образца. Если бы он мог это знать. Он вообще не понимал, что происходит, будто бы весь вчерашний вечер крепко пил. Аэропорт очень сильно изменился с тех пор, как он видел его в последний раз. Люди выглядели противоестественно, вместо нормальных чемоданов у всех почему-то были жутких размеров тележки на колесиках, вроде тех, что раньше возили с собой старушки в автобусах.

Многие шли по аэропорту словно зомбированные, держа какие-то светящиеся коробки в руках. А то, как люди были одеты, вообще не укладывалось в его голове. Мимо только что прошел молодой парень в очень странных брюках, в которых шаговый шов располагался не там, где ему было по-

ложено, а где-то возле коленей, как будто дизайнер встроил в эти брюки устройство для возможности справиться большую нужду, прямо не снимая брюк.

Еще одна парочка шла в джинсах, разорванных во всех местах, у кого-то брюки не дотягивали даже до талии, будто денег на нормальную одежду не хватило, и они купили ее на два размера меньше. Куртки и пальто на первый взгляд выглядели прилично, но немного странновато.

Сама комната ему тоже не внушала никакого доверия. Мебель в ней была симпатичной, ему нравился этот стиль. Но вот компьютер на столе выглядел очень подозрительно. Его монитор был плоским, не шире двух сантиметров, и непонятно, как он вообще мог работать. А на столе пограничника лежала такая же светящаяся штука, которую он уже видел в руках зомбированных людей из аэропорта.

На все вопросы он не мог дать ни одного вразумительного ответа.

Почему у него в руках погашенный посадочный талон на разбившийся рейс? Кто же мог знать. Почему у него в руках загранпаспорт с советским гербом на обложке, а срок его действия истек в девяносто восьмом? Спросите чего полегче.

Он вообще казался себе инородным телом, выплюнутым из другого измерения, и чувствовал себя очень некомфортно. Однако после того, как пограничник куда-то вышел, попросив подождать еще несколько минут, его старый мили-

дейский нюх проснулся и начал тревожно зудеть о том, что офицер сейчас приведет подмогу, ему зададут еще несколько не менее странных вопросов, не имеющих ответа, после чего усадят в каталажку до выяснения личности, которое, судя по его документам, затянется очень надолго.

Поняв это, он, пользуясь отсутствием пограничника, тихо вышел из таинственной комнаты. Не помня даже как, возможно, так же, как и попал в этот аэропорт, он умудрился пробраться к выходу, и поспешил ретироваться, пока его не схватили.

Автобус ждать было опасно, поэтому он пошел в сторону желтого такси. Было удивительно видеть столько такси перед зданием, ведь он помнил раньше, что такси было удовольствием из разряда почти что роскоши и уж точно не по карману обыкновенному сотруднику государственных структур, которым он, судя по форме, являлся.

Понимая, что денег на такси у него, скорее всего, нет, он, все же, сел в машину, пытаясь выбрать из двух зол меньшее. Едва выехав за пределы аэропорта, он, попросив водителя остановиться, порылся в карманах. Нашупав кошелек, достал оттуда несколько голубых купюр достоинством в сто рублей и протянул водителю.

– Ты что, с ума сошел? – водитель был раздражен, – что ты мне даешь? Откуда у тебя эти деньги вообще? Они уже давно не в ходу! Хотя, ладно, давай свои фантики сюда и выметайся из машины. Хоть коллекционерам продам их, так

и знал, что не нужно сажать тебя в машину, один твой вид стоит тысячи заезжих балаганов.

Незадачливый пассажир вышел и, вновь раскрыв кошелек, достал из него еще одну голубую купюру, которая бесстыдно сообщала, что родилась в тысяча девятьсот девяносто третьем году.

\*\*\*

Исчезновение торгового центра совсем выбило ее из колеи. Что же здесь произошло, пока она ездила в аэропорт? Мысли в голове танцевали пляску хаоса. Нужно, наверное, зайти в интернет и посмотреть сводку новостей. Вот уж кто ничего не упустит. Но сначала нужно заказать пиццу, и чем жирнее, тем лучше, иначе ее желудок устроит революцию похлеще Великой Октябрьской.

Подойдя к холодильнику, на который магнитиком была прицеплена лоснящаяся рекламная листовка, она заметила, что та исчезла. Наверное, она впопыхах выбросила ее вчера. Взгляд копьём уперся в одиноко висевший дешевый магнитик с изображением Тутанхамона, который три года назад она привезла из Хургады.

Странно, что он все еще здесь. Она хорошо помнит, как выбрасывала его. Магнитик был тотчас же сорван и отправлен в мусорную корзину.

Вернувшись к покинутому ранее компьютеру, она попыталась вспомнить название пиццерии. Так...как же она называлась? Кажется, «Моцарт и Сялями». Ну и название. Она

забила его в поисковую машину, но к удивлению, такого сайта в поисковой выдаче не увидела.

Черт бы побрал этот поисковик со своими новыми алгоритмами поисковой выдачи! Наверное, сайт пиццерии попал под какой-нибудь экзотический фильтр.

Она вспомнила, как сайт ее магазина поисковик буквально линчевал в прошлом году. Прилетев из Турции, отдохнувшая и загоревшая, она села посмотреть, что делали посетители все это время, и ошалела, потому что посетителей-то не было, а значит, они ничего и не делали. Это стало началом конца ее некогда модного магазина.

Найти его в поиске стало возможным только после бутылки чего-нибудь столь горячительного, что заставит часы твоего мозга пойти в обратную сторону. Ты заходишь в поисковик и идешь не на первую страницу, а на сотую, и там-то как раз ба! Ее интернет-магазин. Ждет, так сказать, посетителей.

Она слишком уж по-старчески вздохнула, вспомнив, как тщетно пыталась найти его по самым ходовым запросам, но натыкалась лишь на «плееры из конфиската», «купим старую бытовую технику» и вообще что угодно, кроме ее собственного магазина!

Наверное, сайту пиццерии тоже улыбнулась такая же «удача». Где же теперь раздобыть еды? Выходить на улицу не хотелось. На ее счастье, она увидела, что сайт ее любимой кофейни все еще работал, и можно было по-прежнему выбрать доставку на дом. Слава Богу! Она выудила из кармана

мобильник и набрала заветный номер.

Так, теперь нужно посмотреть, куда, все-таки, подевался «Пудель».

Открыв ленту новостей, она поморщилась. «Ученые предсказали скорый коллапс мировой экономики», «В Москву пришел катаклизм», «Пенсионеры сгорели заживо», «МЧС готовится к новой аномальной жаре этим летом», «Пенсий скоро не будет» и прочая ересь. Она старалась не читать новостей, ей казалось, что если каждый день смотреть на такие хэдлинеры, тебя ждет карта постоянного покупателя клиники неврозов.

Вдруг справа в рекламе она заметила утепленное зимнее пальто, которое ей так хотелось купить, но из-за цены мечту пришлось задвинуть куда подальше. Реклама гласила, что по случаю открытия магазина цена снижена на 60%. Да уж, умеют люди работать. Наверное, ей тоже нужно было открываться каждый месяц, тогда бы и не разорилась, возможно.

Она быстро сняла с себя нужные мерки и отправила заказ. Буквально через минуту ей перезвонил менеджер и с удивлением спросил, не перепутала ли она чего-нибудь, ведь с такими мерками влезть в сорок четвертый размер невозможно было даже с помощью самого изысканного французского мыла!

Обозвав менеджера наглым хамом, она отменила заказ. Да что он себе позволяет! Нельзя было снимать мерки на глаз. С негодованием подойдя к зеркалу, она решила обмерить себя

вновь. И вдруг от удивления чуть не подпрыгнула. Из зеркала на нее смотрела угрюмая тетка размера двойной extra large<sup>2</sup>!

Лицо у этой тетки заметно округлилось, приобрело нездоровый зеленовато-землистый оттенок, характерный для людей, отрицавших необходимость свежего воздуха. Отвратительные носогубные складки не менее отвратительно ниспадали к контуру лица, который провис, словно свежестыранный пододеяльник на веревке.

Вот это красotka! Как такое было возможно? Она начала пухнуть с голоду? Когда же придет, наконец, заказанная еда?!

Она вновь уселась за компьютер и, нервно клацая по клавиатуре, стала прочесывать новости. Сообщений об исчезновении «Пуделя» нигде не было.

Вдруг она заметила, что часы внизу монитора показывают какую-то ерунду. Так бывало в ее телефоне, когда она снимала с него аккумулятор. Он начинал показывать 01.01.2001 или что-то похожее. А теперь что-то случилось с ее компьютером, потому что он показывал, что на дворе вновь 7 ноября 2012 года! Да уж. Видимо, радиоактивное отключение электроэнергии постигло и ее район тоже.

В дверь позвонили. Она открыла ее ипустила курьера с горячей и вкусно пахнущей едой. Расплатившись, она остo-

---

<sup>2</sup> Extra extra large (XXL) – соответствует 52 российскому размеру женской одежды.

рожно спросила его:

– Вы не подскажите, какое сегодня число?

– Седьмое ноября.

– А год?

Курьер подозрительно посмотрел на нее и сказал:

– Две тысячи двенадцатый. А что?

– Да нет, ничего.

Когда курьер ушел, она опустилась на пуфик в коридоре.

Что же происходит? Взгляд уперся в недавно оставленный у стены чемодан. Лиловый бок украшала бирка, пытавшаяся убедить ее в том, что она недавно благополучно прилетела рейсом UN-880 из Хургады.

«Все так и есть, – думала она, – три года назад в это время я действительно была в Хургаде и вернулась тем рейсом. Но тогда все было по-другому, и самолет прилетал совсем в другой аэропорт!».

Мысли начали слипаться в ее голове. Она решила все-таки поесть, а не то с голодухи у нее скоро начнутся видения.

Закончив трапезу, она вернулась к компьютеру. Мысли на сытый желудок потекли куда веселее. Она решила, что сейчас быстро все проверит, и если на дворе действительно две тысячи двенадцатый, то ее интернет-магазин должен работать, ведь до банкротства еще целых два с половиной года, она не успела принять целую тучу ошибочных решений, а курс евро к взлету еще даже и не готовился. Ее сайт не улетел в тартарары, клиенты не пропали, и так далее.

И это могло означать лишь одно: по всем канонам жанра денег на ее счетах должно быть навалом.

С наслаждением потягивая кофе, она открыла ящик стола и выудила из его глубин изящную на вид коробочку. Открыв бархатную крышку, она взяла маленькую флешку USB-токена, с помощью которой связывалась с банком через интернет. Уже само по себе наличие токена в коробочке было крайне подозрительным, ведь после закрытия интернет-магазина и банковских счетов токен пришлось сдать.

Вставив флешку в USB-разъем, она зашла на сайт банка и ввела сложную комбинацию паролей. Проглотив пароли, банк выдал ей приветствие и показал информацию по счетам.

Матерь божья! Она была готова зацеловать бездушный экран до дыр. На ее счетах действительно было полно денег! Магазин работал! Она спешно подготовила платежное поручение, заказав перевод некоторой суммы себе на карточку. Хотелось бы надеяться, что она не ограбила банк минуту назад.

## Глава 3

С ошалевшими от радости глазами она глядела в монитор, наблюдая, как банк принял ее платежку. Кажется, ее действительно швырнуло на три года назад в прошлое! Юхууу!!!

Что же такого произошло, и чем она так угодила высшим силам, что ей разрешили прожить эти три года еще раз? Ведь теперь в ее руках появилась огромная сила, знание, что должно произойти дальше и когда, вплоть до две тысячи пятнадцатого. Значило ли это, что у нее появился шанс исправить все свои косяки и принять другие решения, которые не приведут ее бизнес к банкротству, а ее саму – к разорению и полному краху? Или, все же, не значило?

Что, если, дав ей возможность пожить в какой-то параллельной реальности, судьба и карты вариантов событий перетасует по-новому? И не будет вообще никаких санкций, и кризисов тоже не будет, а все ее меры будут неэффективны, если и вовсе не пагубны?

Не хотелось об этом думать. Самое главное, что обещанный через полтора месяца конец света не настанет. Это она уже знала. А вот шевелить лапками нужно. Ведь скоро объявят значительное повышение обязательных платежей для ИП.

Тогда, в первом раунде против реальности, ее магазин устоял, начав технично скатываться в удушливую воронку

долгов.

Она вышла на балкон и втянула в себя свежий воздух.

Последующие два месяца она работала, как проклятая, пытаясь поправить то, что ей представлялось возможным. Жизнь казалась ей невероятно интересной с таким поворотом. Омрачал ее эйфорическое чувство радости лишь, как ни странно, Новый Год. Она провела его с семьей, в отношениях с которой тогда еще не появилась червоточинка, и наслаждалась каждой минутой этого общения.

Маленький телевизор с кухни торжественно огласил наступление Нового Года под бой курантов, но по телевизору в зале все еще шла речь Президента. Она вспомнила, как это было, когда тот год пришел по-настоящему. Тогда все они весело смеялись, она мотала головой, пряди ее волос шелком струились из стороны в сторону, а сестра пошутила, что Новый Год на кухне наступил раньше. Тогда все это списали на то, что цифровой телевизор отстал от жизни, но теперь-то она знала, что все было не просто так, даже это.

Сейчас, когда стрелка часов черепашьям шагом подползала к двенадцати, она вдруг резко вскочила и, не говоря ни слова, выбежала на кухню и выключила маленький телевизор.

Первый день нового года принес много радости, смеха и подарков. Все шло как по маслу, омрачало событие лишь одно. Среди гостей присутствовал муж одной из ее троюродных сестер, Алексей. Он пил, смеялся, разгадывал шарады

вместе со всеми и выглядел таким счастливым и довольным. И трех лет не пройдет, как он сгорит от рака буквально в считанные дни летом две тысячи пятнадцатого.

Но сегодня, первого января две тысячи тринадцатого, ни он, ни его семья не знали об этом. Знала только она. И думала лишь о том, что мы все в этой жизни хотим так много знать, а вот что делать с этим знанием потом, не понимаем. Теперь она начинала догадываться, почему некоторые экстрасенсы так не хотят ими быть.

Ей повезло, что ее «экстрасенсорные способности» не простирались дальше, чем на три года вперед, а что бы было, если бы она могла предсказывать будущее без бутафорских перемещений во времени? Ей ни за что бы не вынести тяжести знания о том, что случится с тобой и каждым, кто идет рядом. Потому, что знать-то ты знаешь, но изменить ничегошеньки не можешь.

Имело ли смысл как-то намекнуть родным на то, что случится? Наверяд ли. Потом ее бы обозвали ведьмой и сказали, что именно она все и напороочила. Либо просто сочли бы немного не в своем уме, как это чаще и бывает.

Поэтому она просто гармонично вписалась в интерьер, притихла и потягивала шампанское из искрящегося хрустальными лучами бокала. Наверное, ничто так не разрушает последние мгновения жизни как знания, что это твои действительно последние мгновения, а не глупые упражнения из глупого тренинга, где тебя вечно учат представлять, что

бы ты сделал, если бы жить тебе оставалось всего три месяца. Идите сами попробуйте, психологи недоделанные.

Но кое-что сегодня ее, все же, порадовало. Почти год прошел, как от нее ушел к другой женщине муж. Ушел вероломно и неожиданно, просто сообщив ей однажды, что снял квартиру где-то рядом со своей успешной работой и больше дома его можно не ждать. Тогда это ее порядком выбило из колеи, хотя и прожили они вместе всего пару набитых взаимными претензиями лет. А сейчас она не чувствовала ничего. Ничего совсем. В ее воспоминания длинной иглой вошла общая анестезия и все их безвозвратно заморозила.

Это значило, что пятого января она не примет приглашение от своего бывшего одноклассника и не пойдет с ним на премьеру какого-то бестолкового фильма, чтобы хоть немного заглушить звенящую пустоту в душе и мучительную боль одиночества.

Ей уже начинали нравиться эти микрооперации по удалению битых секторов из ее прошлого. Чик-чик! Хоп-хоп! И не встретит она больше Антона, который на два с половиной года погрузил ее жизнь в липкий, зловонный, разлагающийся ад.

Антон вытащил ее из одного горящего поезда кошмара, выписав проездной в другой. Сначала она думала, что ведет этот поезд, расслабилась и доверилась своему спутнику, поверила его словам и обещаниям, таким на первый взгляд милым; и когда спохватилась, что сидит вовсе не в кабине ма-

шиниста, а в немытом туалете хвостового вагона, а поезд их отношений летит под откос, было уже слишком поздно.

Жизнь неумолимо отматывала свои дни вперед, и вскоре на ринге времени загорелась цифра «2». Это значило, что реальность открыла против нее второй раунд, и в этом раунде она упадет в нокдаун.

Рефери стоял и хладнокровно смотрел, как она корчится и пытается подняться, сливая свои силы, деньги и время на то, чтобы остановить горящий поезд или хотя бы спрыгнуть с него. Пальцы судьи неумолимо разгибались, и она знала, что когда он произнесет цифру десять, ей настанет конец.

Кое-как поднявшись с пола и оправившись от очередного удара под дых, она рассталась с Антоном. Но ее противник с ринга нагло смеялся, показывая гнилые зубы и, хохоча во весь голос, говорил, что расстаться-то может каждый. А вот забыть предательство и уж тем более оправиться от него поди-ка попробуй.

Сейчас она сидела и, глядя в лопавшиеся на поверхности бокала пузырьки, счастливо вздыхала, понимая, что теперь этой омерзительной истории в ее жизни никогда не будет.

А раз не будет, значит она не забросит бизнес почти на целых два года, и не передаст его в руки помощника, который подкосит ее и без того зашатавшееся виртуальное положение.

Кстати, помощника после праздников нужно будет уволить. Как же вовремя ей в голову пришла эта мысль.

Теперь она отыграет у жизни третий раунд, и, возможно, все действительно пойдет по-другому.

Восьмое марта она проводила дома, готовя какие-то отчеты, несмотря на выходной, и размышляя о том, куда ей поехать на майские праздники.

Вскоре должен приехать курьер из кофейни и привезти заказанные горячие блинчики. С момента обнаружения на себе лишнего человека она объявила ему войну и записалась в фитнес-клуб, чтобы вернуть себе прежнюю форму, но сегодня был женский праздник, а раз женский праздник, она широким жестом решила позволить себе все, чего ни пожелает ее душа. И она пожелала блинчиков с шоколадным кремом, вина и кофе «Блю Маунтин». Да уж, губа у души была явно не дура.

Этот день она не любила с детства и всегда старалась остаться дома. Раньше, когда у нее была обычная работа, она всегда брала на этот день выходной. Почему-то она чувствовала себя ужасно одинокой среди всех этих мужчин, спешащих с пышными букетами и просто облезлыми букетиками к своим возлюбленным и женам. К ней уже давно никто так не бежал.

Какое-то время у нее был муж, но если быть до конца честной, это она женила его, а он в награду подарил ей себя. Потому-то и не считал нужным дарить ей еще и цветы.

Часики тикали, а курьер все не шел и не шел. Не может быть, чтобы в этот день в городе были пробки. Или может?

Пробки из влюбленных и просто сильно обязанных мужчин, бегущих домой с букетами наперевес? Так и без блинчиков можно остаться. Она взяла припрятанные для курьера чайные и затолкала обратно в кошелек.

Вскоре в дверь позвонили. Наконец-то! Спешно надев сброшенные в процессе работы плюшевые тапочки, она побежала к домофону. На ее вопрос «Кто там?» никто не ответил. Курьер, должно быть, был иностранец.

Услышав звонок, она широко распахнула дверь, да так и застыла с руками, словно распростертыми для объятий.

Перед дверью стоял незнакомец из аэропорта.

Он избавился от своей музейной формы и был облачен в облегающий черный пуховик, голубые джинсы и черную вязаную шапку – наряд хоть и не был дорогим, но выглядел вполне сносно. В руках незваный гость держал огромную композицию из божественно пахнущей мимозы и пакет с ее ужином.

Она оторопело смотрела на него.

– Позволишь войти?

– К-к-к-ак вы меня нашли? И п-п-п-очему вы мне тыкаете? Вы, вообще, кто?

– Неловко все это объяснять. Позволь мне войти.

– Еще чего! Чтобы вы шарахнули меня по голове чем-нибудь тяжелым и вынесли у меня все из квартиры? Имейте в виду, сделаете еще хоть шаг, и я звоню в полицию!

– Ты хочешь сказать, в милицию? Не надо, потому, что

она уже здесь!

– Мне не до шуток, уважаемый. Уходите. Что вы сделали с курьером? Убили его?

Она попыталась закрыть дверь, но не успела, потому что в проеме возник мужской ботинок с протектором. Она старательно отпихивала ногу из проема, но все бестолку. Мужчина и не собирался уходить!

– Я оплатил твой заказ и отпустил курьера. Прошу тебя,пусти меня внутрь. Наша возня сейчас привлечет внимание всего дома, и я тебя уверяю, это совсем ни к чему ни тебе, ни мне.

– Хм! С чего бы это? Мне как раз выгодно, чтобы на шумсбежались соседи. Что вам от меня нужно?

– Я клянусь, что не причиню тебе зла. Пусти меня.

Вконец обессилив от этой бессмысленной борьбы, она впустила его в квартиру и закрыла дверь. На всякий случай она сходила в ванную и взяла в руки маленький дорожный лак для волос.

– У вас десять минут, чтобы сказать мне то, что вы хотели. А если начнете дурить, обещаю вам, что залью этой штукой ваши глаза так, что вы их больше не разлепите. Так что советую вести себя тихо и резких движений не делать. Вот шкаф, можете повесить верхнюю одежду. Возьмите дежурные тапочки. Это тапочки моего бывшего мужа, надеюсь, не побрезгуете.

Он молча проследовал за ней в гостиную.

– А ты неплохо устроилась!

– Я предупредила вас. Если вы заявились сюда с целью меня обнести, вы еще пожалеете об этом.

Она ухмыльнулась про себя, вспомнив, как в конце две тысячи четырнадцатого ей пришлось распродать всю эту мебель и плазменный телевизор, чтобы удержать себя на плаву хоть как-то.

Он протянул ей мимозу.

– С праздником!

– Давайте хотя бы без театрального пафоса, хорошо?

– Я видел в твоём заказе вино. Просто обожаю сухое.

– И не надейтесь.

Тем не менее, она, все же, принесла с кухни два бокала и две тарелки. Ужинать в одиночку в то время, как он сидит и смотрит на нее, глотая слюни, было как-то неловко.

Она включила искусственный камин, который сразу же наполнил комнату уютом.

– Что же, давайте попробуем перейти к делу. Что вас привело сюда? Вы знаете, что я вас уже видела? Это было четыре месяца назад, в аэропорту. Вы тогда заблудились в зоне прилета.

– Все так и есть, и я тебя тоже помню. Но раз ты просила перейти прямо к делу, то перейду. Я пришел, чтобы просить тебя помочь мне найти того, кто меня убил.

Она чуть не поперхнулась вином.

– Нет, я, конечно, могла предположить, что у вас с головой

что-то не то, но не до такой же степени.

– Понимаю, что все это звучит, словно мартовский бред, но уже как есть. Неужели ты не заметила ничего странного в тот момент, когда меня увидела?

– Раз вы настолько плохо воспитаны, что все время мне тыкаете, то, так и быть, и я буду с вами на ты. Конечно, заметила. На тебе была милицейская форма эпохи верхнего палеолита, пальто отсутствовало, несмотря на холодное время года, и еще... – она нервно сделала глоток, – еще ты очень похож на...

Она запнулась.

– На Геннадия Сафонова, не так ли?

– Откуда ты его знаешь?

– Мне это не так уж и сложно было, потому что я и есть он.

Эта новость стала последней каплей. Она молча встала и вышла в коридор, откуда принесла его пуховик и шапку.

– Немедленно одевайся и выметайся вон из моей квартиры, самозванец. Я, конечно, понимаю, что мир ужасно испортился за последние двадцать лет, но такой крайней степени цинизма не видела даже я. К твоему сведению, Геннадий Сафонов погиб двадцать лет назад. Я лично присутствовала на его похоронах. Как ты смеешь, мразь, осквернять память хорошего человека. Что тебе вообще здесь было нужно? Уходи же немедленно ты, проходимец!

Из ее глаз закапали слезы. Он, тем не менее, стоял, не двигаясь.

Потеряв самообладание, она сильно толкнула его в грудь руками.

– Как у тебя только язык повернулся. Ничего святого у тебя нет. Геннадий Сафонов погиб! Как ты посмел использовать его имя вообще?!

Немного переведя дух, она продолжила свою тираду.

– Знаешь, что самое нелепое во всей этой истории? То, что когда мне сообщили о его гибели, я отказывалась верить в это. У меня мозги совсем съехали набекрень, видимо, потому что я взяла такси и поехала через всю Москву к нему домой, только лишь затем, чтобы убедиться, что меня не разыгрывают. Ты ведь не знаешь, что там за ситуация была. Во что угодно можно было поверить. И тут заявляешься ты! Похожий на него как две капли воды, как будто его и правда прятали где-то все эти годы. И все еще можно было бы, наверное, объяснить, но только не то, что ты выглядишь... ты выглядишь, как и он... тогда. У тебя совсем нет седых волос, ты выглядишь лет на сорок, не больше. А Гена родился в шестьдесят втором, и ему сейчас было бы уже пятьдесят. При всем желании невозможно так выглядеть в пятьдесят лет!

– Наверное, я действительно выглядел тогда старше своих лет, но вообще-то мне не сорок, а тридцать три. Столько лет было мне тогда, когда я... когда меня нашли в то злосчастное воскресенье.

– Довольно! У меня нет больше сил слушать весь этот бред. С меня достаточно было того, что я десять лет не могла

прийти в себя. Убирайся отсюда немедленно или я позвоню в полицию. Самозванец! Не знаю, что тебе от меня нужно, но если ты пришел посмотреть, что у меня есть в квартире, чтобы потом обокрасть, пеняй на себя.

– Я уже сказал, что вернулся, чтобы найти тех, кто убил меня. И, между прочим, ты сама меня привела.

– Да ты совсем конченный псих, что ли? Откуда я тебя привела?! – она не заметила, что не своим голосом орет на странного гостя.

– Ты это и сама знаешь. Не нужно было так убиваться на моей могиле, умоляя помочь захомутать этого кретина, как его там, Антон, да? Вот я и пришел, только помогать теперь будешь ты.

Она вспомнила, как несколько месяцев назад с ней действительно начали происходить странные вещи. Ей стоило многих лет жизни забыть человека, которого она когда-то так любила, но время делает свое дело: стирает краски, выравнивает грани и приглушает память даже у таких упорто влюбленных, как она.

Но когда часики начали неумолимо тикать, подводя этот отрезок истории к цифре «двадцать», ее почему-то охватила странная ностальгия. Она не была на кладбище уже больше десяти лет, но ее вдруг словно магнитом потянуло туда.

Она сама не могла понять, как это случилось.

Кладбище находилось в Подмосковье, добираться туда ей пришлось часа четыре на электричке. Этот день она помнила

очень хорошо. Она надела свое лучшее черное платье-карандаш, самые дорогие туфли, взяла в руки последнюю оставшуюся в живых дизайнерскую сумку и отправилась на железнодорожный вокзал. К тому моменту дела в бизнесе шли уже не из рук вон плохо, а из рук вон отвратительно. Наличных денег практически не осталось, в кармане после покупки билетов завалилось рублей пятьсот, и это были почти все ее карманные деньги на ближайšie две недели.

Она забежала в привокзальный супермаркет, который был просто невероятных размеров и выглядел пафосно даже для Москвы. Глаза разбегались от разнообразия на полках, словно тараканы от яркого света. И все, на что падал ее взгляд, роняло ее настроение туда же.

Наконец, она нашла небольшую «чебурашку» армянского коньяка и неприлично дешевую пачку соленых галет. Уплатив за все триста пятьдесят рублей, она не заметила презрительной ухмылки тетке на кассе, раздумывая в это время, как ей прожить на сто пятьдесят рублей две недели. Не хотелось снимать деньги с кредитной карточки, ведь там уже почти все было выбрано, ее платежи по кредиту росли, как снежный ком. Но деваться было некуда.

Выйдя из магазина под палящее июльское солнце, она начала корить себя за свои мысли. И правда, неужели ей было жалко трехсот пятидесяти рублей для человека, который носил ей розы охапками и последнюю рубашку с себя снять готов был ради нее? Ну и дура же она.

Когда она вышла из электрички и подошла к воротам кладбища, то не сразу узнала его. Перед входом одиноко сидела полная женщина с характерным для уличных торговцев лицом, которая, увидев одинокую посетительницу, запечатанную в черное, предложила ей купить цветов.

При виде цветов захотелось хлопнуть себя по лбу. Она предусмотрительно прихватила из дома водочную стопку, но вот цветов не купила!

– Сколько стоят гвоздики? – спросила она.

– По пятьдесят.

– А вон та свеча в стеклянной колбе?

– Сто.

На дворе был будний день и, увидев, что почти единственная посетительница за сегодня мнетя, не решаясь сделать покупку, женщина сказала:

– За две гвоздики и свечу возьму сто пятьдесят.

Под грустный, почти старческий вздох, рука посетительницы полезла в сумку и выудила оттуда последние купюры.

За эти годы старое кладбище, и без того немаленькое, сильно разрослось. Память отчаянно отказывала, и она уже битый час не могла найти то самое место. Она плутала между могилками, ухоженными и не очень, путаясь все больше и больше, пока все не начало казаться одинаковым.

Стрелка часов доползла до цифры три, это означало, что у нее осталось не больше шестидесяти минут, прежде, чем нужно будет собираться назад. Путешествие по этому райо-

ну вечером, в одиночку, да еще и на электричке было развлечением экстремальным, и если она не хотела стать героиней очередного выпуска новостей, нужно было что-то делать.

Подумав немного, она решила взять себя в руки, убедив в том, что если это ее путь, то вскоре она сможет найти нужное место, а если нет, то значит, она приехала зря и нужно просто уйти.

С этим посылом она вышла на центральную аллею и прошла еще метров двадцать, пока, наконец, не увидела два переплетенных, словно в объятиях, ствола рябины. Когда-то ее очень удивило это дерево, но сейчас она поняла, что наконец-то дошла!

За эти долгие годы рябины заматерели, но все еще продолжали обнимать друг друга. Никому так и не пришло в голову разлучить этих сиамских близнецов. Кое-как продравшись к Генкиной могилке, она увидела, что трава на ней выросла выше ее роста. От палящего июльского зноя она похудела и потускнела, но все еще была очень густой. Сколько же лет здесь никто не появлялся?

Она вспомнила, как месяц назад ее пригласила в «Одноклассники» старинная знакомая. С любопытством разглядывая фотографии ее друзей, она вдруг чуть не ахнула: с экрана на нее смотрело знакомое лицо. Трудно было не узнать одного из детей Геннадия, молодой человек был так похож на него.

Создав фейковый аккаунт для конспирации, она не удер-

жалась и зашла на страницу, чтобы увидеть, что мальчик вырос, возмужал и, так же как и отец, служит в правоохранительных органах, хотя и не в Главном Управлении, а обычным участковым в самом обычном ОВД. Ничего примечательного на странице не было, и она уже была готова покинуть ее, как вдруг до нее дошло, что в профиле была информация о брате и сестре, о матери, друзьях, – и ни слова об отце!

Не это ли ее тогда задело за живое?

Когда отец объявил о своем решении уйти от своей гражданской жены, этих детей буквально превратили в живой щит, хотя почти вся его зарплата уходила на содержание ребятшек.

Детьми манипулировали, как острыми дуэльными шпагами, нанося болезненные уколы в самые чувствительные места, управляемые человеческой душой: чувство долга, ответственности, морали и этики, хотя за всем этим укрывалось лишь одно чувство, и имя ему был страх.

Страшно было потерять власть. Страшно было остаться одной. Страшно было стать никому не нужной. Потому в ход за отвоевывание ушедшего в туман Генки были пущены все средства. Этот был тот самый случай, когда любовь оказалась войной.

Матюгнувшись про себя за то, что оделась на кладбище, как на бал, не взяв с собой даже перчаток, она начала прикидывать обстановку. Потратив свой драгоценный час на про-

полку и уборку могилы она, наконец, добралась до памятников, но вскоре вновь почувствовала себя неловко.

Она увидела, что с момента ее последнего посещения появился новый памятник. Мать воспитывала Генку одна, отец его, геолог, пропал без вести, когда тот был еще ребенком. Она посмотрела на дату: 10 июля 2007 года. Значит, мать ушла не так уж и давно, дожив лет до восьмидесяти, примерно. Неловко было, что она ей ничего не принесла, но, вспомнив, как сильно мать ненавидела ее тогда, двадцать лет назад, тут же успокоилась. Мать вообще была женщиной своеобразной. В день похорон заявила на кладбище с ярким макияжем и в огромных золотых серьгах-кольцах, бряцающих при каждом шаге, что было просто возмутительно.

Расчистив небольшое пространство у памятника, внезапно гостя положила на плиту принесенные цветы, стопку и печенье. Открыла коньяк и налила немного прямо в рюмку.

– Ну, привет, что ли.

Постояв немного и поразмыслив о чем-то своем, она отпила коньяка тоже, прямо из горлышка. Закусила печеньем. На руках один за одним вздувались мозоли, в висках стучало. Кажется, она слишком переусердствовала, выпалывая злополучную траву.

Она и не заметила, как за своими угрюмыми мыслями допила всю бутылку. Как мысли из угрюмых превратились в отчаянные. Как она села прямо на бордюр и, сотрясаясь от рыданий, начала жаловаться Генке на свою жизнь, на то, как

подлю с ней поступал Антон, как не любили его ее родители, как разваливался прямо на глазах ее бизнес, как утекали сквозь пальцы последние деньги и перспективы на лучшую жизнь.

На такой жаре она опьянела куда больше положенного и рыдала на могиле еще, наверное, час, умоляя Генку помочь ей со всем этим разобраться и сделать так, чтобы они с Антоном стали, наконец, счастливы.

Очнулась она уже тогда, когда над кустами закружили комары и мошки, предвещая наступление вечера. Что за черт! Нужно срочно убираться отсюда, а не то проблем не оберешься. В последний раз обернувшись и зажав в кулаке початую пачку печенья, она направилась к выходу.

В электричке ее накрыла очередная волна жалости к себе. Ну почему кому-то все идет в руки легко, а ей все время приходится продирается к рогу изобилия через плотно переплетенные друг с другом заросли?

В институте она могла неделю корпеть над билетами и все равно ничего не сдать, в то время, как ее однокурсницы, отжигая всю ночь в ночных клубах и выучив один-единственный билет, его и вытаскивали.

После института, не дав себе ни дня передышки, она побежала вперед, к яркой путеводной звезде своей самодостаточности, в то время как ее подруги отправлялись родителями на морские курорты «отдохнуть» от тягот студенческой жизни.

Отдохнув пару-тройку лет, они открывали бизнесы, продавали их с прибылью и укатывали в теплые края, а ее магазин загнулся после стольких лет отчаянной реанимации наполовину сдохшей лошади.

Столько лет она карабкалась на вершину, все лишь для того, чтобы с грохотом с нее свалиться, больно ударив копчик и осознав, что тебе уже сорок, а ты все так же бедна, как и в девяностых, с той лишь разницей, что здоровье твое оставляет желать лучшего, а друзья разбежались врассыпную.

От нервов и бесконечных стрессов у тебя поседели волосы, на лбу прорезались морщины, тебя замучили постоянные депрессии, и все вокруг кажется унылым, тусклым и мрачным.

Так и проехала она весь путь до Москвы, поедая соленые крекеры и плача, не обращая внимания на жалостливые взгляды, обращенные к ней с разных сторон.

## Глава 4

Из липкой пучины отчаянных воспоминаний ее выдернул знакомый голос.

– Теперь вспомнила?

Она задумчиво посмотрела на него. Как же это возможно? Хотя, если вспомнить последние события в аэропорту и исчезновение «Пуделя», поверить можно было во все, что угодно.

Она неуверенно подошла к нему и протянула руку, пытаясь потрогать.

– Не бойся. Я теплокровный. Мне и самому непросто убедить себя в том, что я сам себе не приснился, но если ты веришь в теорию существования параллельных миров, мы, возможно, попали в один из них.

– Что ты имеешь в виду?

– Я тут почитал кое-что на досуге, и узнал, что есть такая теория, по которой у каждого человека имеется несколько вариантов развития судьбы, и каждый из них живет параллельно друг другу. Ты можешь чувствовать, осязать и понимать лишь один, но существуют и другие линии жизни, в которых все может быть немного иначе. То есть, в одном из этих параллельных миров я вроде как жив. Но ты живешь в другом и не можешь ни видеть меня, ни знать об этом. Но после твоего слезоточивого похода на кладбище пласты ре-

альности, возможно, как-то сдвинулись, и ты смогла увидеть то, чего не должна была. Как тебе такое объяснение?

– Похоже на ярко выраженный шизофренический бред, если честно.

– Тогда давай просто не будем искать никаких гипотез и пытаться рационализировать происходящее. Мы же не видим электричества, но верим в него. И Бога не видим. И времени. И мыслей тоже. Но при этом мы же не отрицаем существования всего этого?

– Насколько я помню, ты был атеистом раньше. Воспитанным в самых лучших традициях советской идеологии.

Он промолчал. Подумав немного, он произнес:

– Пойдем, покурим, что ли? – и выудил из кармана пачку сигарет.

Они вышли на балкон, достали сигареты. Она с удивлением заметила, что снова курит. Летом две тысячи пятнадцатого она бросила, потому что сигареты покупать стало просто не на что. А бесконечно побираться по улицам, «стреляя» сигареты, было стыдно даже ей.

Зато оказалось весьма занимательным опровергнуть всю эту чушь про трудность борьбы с многолетней никотиновой зависимостью. Как выяснилось, дай ей только повод, и она убежит от тебя, словно трусливый заяц. Все убегают от тебя, словно трусливый заяц, когда у тебя нет денег, чтобы дать взаймы, и нет настроения, чтобы развеселить.

Но сейчас она была разочарована, что наряду с весом при-

дется избавляться еще и от этого подарка.

Они смотрели куда-то далеко за горизонт. Вдруг он проронил:

– Если ты мне все еще не веришь, давай съездим на кладбище. Я докажу тебе, что говорю правду.

– Что же, видимо, на почве жизненных трудностей у меня начинает развиваться психическое расстройство. Но мне уже и самой любопытно, а потому я готова испить эту чашу до дна. И если ты сможешь доказать мне, что твоя теория верна, я помогу тебе.

Медленно выдавливая дым из легких, он сказал:

– Спасибо и на том. Тогда давай встретимся завтра в десять утра на вокзале.

Она резко замотала головой.

– Ну уж нет. На электричке я не поеду. Кто-то же должен, наконец, порадоваться, что моя машина все еще со мной?

– Договорились. Тогда буду ждать тебя возле дома завтра.

Прежде, чем она успела что-либо возразить, он затушил окурок и подался в сторону выхода.

– Мимозы в воду поставь, – услышала она.

Мимозы были удивительными. Их пушистые соцветия пахли весной и прожитым временем. Она подумала, что сегодняшнее восьмое марта, пожалуй, войдет в историю.

Сев за компьютер и открыв интерактивную карту, она начала прокладывать маршрут для завтрашней поездки. Потом отвлеклась как обычно, увидев, что в одноклассниках ей по-

наставили лайков на какую-то фотографию. Она не помнила, чтобы хоть о чем-то вещала в последнее время, а потому ее любопытство разгоралось, словно костер.

Так и есть! Лайки предназначались ее видео с дельфинами, которое она привезла из Египта. Дельфины подплыли прямо к берегу и, на радость отдыхающих резвились, разрезая плавниками водную гладь. Надо же, столько времени прошло, а она все еще развешивает это в социальных сетях. Похоже, с самооценкой дела у нее совсем плохи, раз за четыре месяца собирания лайков ей все еще не надоело.

Вдруг в чьей-то ленте она увидела тэг с названием аэропорта и краткой новостью о чрезвычайной ситуации. Она редко переходила по ссылкам из ленты, боясь словить расхитителя денег с электронных кошельков, но сейчас любопытство с разгромным счетом одержало победу над страхом.

Новостной сайт сообщал, что некий частный самолет потерпел крушение, едва оторвавшись от взлетно-посадочной полосы и даже толком не успев набрать высоту. Какой-то псих, забравшись на близлежащее дерево, ослепил летчиков лазерной указкой. Оба пилота одновременно потеряли пространственную ориентацию, и самолет рухнул.

Конечно, всегда ужасно читать такие новости, но сейчас хэдлиайнеры пестрили о том, что на борту находилась женщина, и эта женщина была непростой. Не потому, что летела в частном самолете, и уж, тем более, не потому, что летела на морской курорт.

Она была непростой всего лишь потому, что несколько лет назад ее угораздило ошибиться дверью и войти в состав администрации ее района. И это именно она пролоббировала строительство торгового центра «Пудель»!

Через несколько лет она спешно ретировалась из администрации и занялась каким-то бизнесом. Судя по упавшему самолету, бизнес шел весьма успешно, куда успешнее, чем у нее.

Она ненавидела эту женщину всеми фибрами своей души, хотя ненавидеть ее было, в принципе, не за что.

В том, что вместо вида на разноцветную яркую радугу тетка подсунула ей бетонного «Пуделя», вины чиновницы не было. Но глубоко внутри она все равно люто ненавидела ее, и поделявать что-либо с этим не собиралась.

Ее раздирали противоречивые чувства. Она подавила кривую усмешку, подумав о том, что до сих пор завидует удачливости этой женщины, хотя если посмотреть на финал этой пьесы, завидовать оказалось совершенно нечему.

И, тем не менее, цена вопроса была всего лишь в ее дискомфорте, ее местечковом неудобстве. Платить жизнью за это – высшая несправедливость, она не заслужила такой участи, эта тетка.

И вообще, как же все странно. Тетка погибает сейчас, в две тысячи тринадцатом, значит ли это, что ее «детище», страдающее всеми пороками развития и наследственными заболеваниями вместе взятыми, так на свет и не появится?

Нужно бы что-то почитать про эти параллельные миры, о которых говорил Генка, или кто там им так удачно прикинулся. Получается, в той реальности, куда она сейчас попала, «Пуделя» нет, потому что человек, пропихнувший решение его построить, погиб?

Как загадочно все складывается. И поверить в это непросто.

Но ведь, если разобраться, в той жизни, которую она все еще помнила, торговый центр действительно начали строить летом две тысячи тринадцатого. Сначала появился визглый бульдозер и распахал пустырь, словно хирург-практикант не успевшего сбежать пациента, потом материализовались плиты, следом – бытовки со строителями, их женами, детьми, рядами лифчиков на веревках и тошнотворными запахами еды, носившимися по району в послеполуденной жаре.

Потом быстро, практически в одночасье, горизонт забетонировал каркас из плит и вспарывающей небу брюхо арматуры. Так, сотканный из молекул человеческих слез и страданий, и выродился недоделанный «Пудель».

То есть, до начала конца оставалась всего лишь пара месяцев. Интересно будет посмотреть, что из всего этого выйдет.

Не менее интересным было и то, почему люди вообще ослепляют пилотов лазерными указками. Это же явно ненормальные, которые по какой-то роковой ошибке причиняют вред не себе, а другим людям зачем-то. Но за что? Если есть

такая охота похулиганить, сунули бы лучше свои яйца в кипящий суп, кретины.

И еще больше ее вывели из себя репортеры, зачем-то сообщившие, что среди обломков самолета нашли бордовую розу. Какое это имело значение вообще?

Она с досадой выключила компьютер и пошла спать.

\*\*\*

Наутро она позавтракала пригоревшей яичницей, тостами с маслом и клубничным вареньем, а также крепким кофе без молока.

Появившись на улице, она не могла не отметить, как приятно ей было вновь увидеть своего лакированного друга, примостившегося на пяточке возле дома. Это потом она освоит парковку перед «Пуделем», а пока она и ее небольшой черный «Мерседес» А-класса с автоматической коробкой передач вынуждены довольствоваться узкими «карманами» на дороге.

Возле машины ее терпеливо ожидали. Она заметила, что одежда вчерашнего гостя выглядела точно так же, как и вчера. Видимо, его дела с деньгами были совсем плохи, думала она, вздыхая и вспоминая то, как отдала свои последние сто пятьдесят рублей за цветы и свечу.

Хмуро поприветствовав его, она села за руль, пригласив его занять место рядом. На сегодня была запланирована целая куча дел, и если она не хочет очутиться там же, где и в прошлый раз, сразу же после возвращения придется навер-

стать упущенное. Бизнес лентяев не любит, понять это труда не составило.

– Пристегнись, – велела она своему спутнику.

– Ты же помнишь, я не люблю пристегиваться.

– Даже если я на секунду поверю, что ты, это ты, то все равно пристегнись. Прошли те времена, когда по состоянию ремня определяли толщину яиц водителя. Сегодня по нему определяют толщину его кошелька.

– Хм. А если водитель – женщина? Толщину чего определяли у нее?

– Смешно. Но, думаю, ты и сам знаешь, что редкостная дура осмеливалась выехать на улицу непристегнутой даже тогда.

– А ты не в настроении сегодня.

– Не то, чтобы не в настроении. Просто слегка загружена работой. Сегодня наш китайский поставщик перепутал заказанные плееры, а клиенты их уже ждут. Это не очень хорошо для магазина, если говорить без лишних преамбул. Менеджеры нервничают.

– Я могу как-то помочь?

– Думаю, нет. Но я буду рада, если мы обернемся быстро.

– А ты изменилась.

– В каком смысле?

– Стала такой деловой, что ли. Все у тебя продумано, логично.

Она хотела было возразить что-то, но прикусила язык и

промолчала. Он попытался реанимировать диалог.

– Странно я себя ощущаю в твоей машине.

– Почему?

– Она такая...не знаю, как и сказать. Дорогая, что ли. Раньше за такую машину не знаю, что сделать нужно было. И кем быть.

– Ты удивишься, но сейчас это машина, я бы сказала, скорее, среднего класса. Ты разве не видел, что разъезжает по улицам Москвы?

– Если честно, у меня не было на это времени. Но я это учту. Я раньше и мечтать не мог о машине с кондиционером, а ты его даже не замечаешь. А помнишь, как я учил тебя водить машину в Лужниках? – он как-то слишком резко сменил тему.

– Ну, вряд ли это можно назвать обучением, конечно. Пару раз подергались на стоянке и только. Все равно потом пришлось ходить в автошколу и слушать лай инструктора и его сокровенные мысли по поводу водителей женского пола. А так, помню, конечно. Страшно было сначала, жуть. Как сейчас помню, в каких конвульсиях забилась машина, когда я попыталась выжать сцепление и аккуратно нажать на педаль газа! А потом увидела еще пять-шесть таких же отчаянно трясущихся автомобилей на площадке, и мне вдруг стало смешно. А сейчас я езжу на «автомате», и сложно будет так опозориться.

Она помолчала с минуту, а потому вдруг сказала:

– Удивительно, что ты это знаешь. Как будто бы ты и правда Генка. Не помню, чтобы мы возили с собой понятых. Хотя, Генка мог тебе проболтаться. И не такие чудеса на свете случаются.

– Думаю, скоро ты и сама убедишься в том, что я говорю тебе правду. Ты же знаешь, я никогда не лгал тебе, даже если нужно было сказать что-то неприятное. Так и сейчас будет. Непривычно видеть тебя за рулем. Ведь раньше машину всегда вел я.

– Ну да, за исключением того случая, когда ты уговорил меня ехать по автомагистрали, хотя это и было запрещено. И как нас остановили сотрудники ГАИ, а я их ослепила фарами дальнего света. Тебе повезло, что ты работал на Петровке, иначе мало бы нам не показалось.

Через некоторое время в машине наступило молчание, которое закончилось только тогда, когда они подъехали к воротам кладбища. Оставив машину на парковке, они проследовали на территорию.

Знакомые уже рябины все так же стояли в переплетенных объятиях, словно пытаясь сказать каждому посетителю, что любовь нужно беречь и держаться за нее крепче, потому что в жизни заканчивается все, даже она.

Дойдя до знакомой ограды, она чуть было не вскрикнула от удивления. В искомом месте был только один памятник, с фотографией его матери. Генкин памятник, а также все следы его пребывания в данном месте бесследно растворились

во времени.

Она не помнила, как добежала до выхода. Запыхавшись, он догнал ее и пробормотал:

– Я же тебе говорил!

Ничего не ответив, его спутница шла к машине. Лицо ее было белым, как январский снег, а пальцы нервно потрясывали автомобильный брелок.

Она же была здесь недавно! И отчетливо помнит, как удивилась тому, что памятника теперь два, как вновь разозлилась, вспомнив, что Генкина мать пришла сюда со своими клацающими сережками, будто не на похороны, а на водевиль в захудалый гастролирующий театр.

И теперь она своими глазами видела, что его могилы просто нет! Если бы она не была здесь бесчисленное количество раз, она бы точно поверила в теорию заговора и то, что его похитили и спрятали от нее, как рисовал ей опаленный трагическими новостями мозг тогда, двадцать лет назад.

Но сейчас-то она понимала, что все это, как минимум, бред. У нее явно что-то с головой. Наверное, так вот и сходят с ума.

Они сели в машину и неспешно тронулись в обратный путь. Он первый нарушил молчание:

– Ты хочешь есть? Я ужасно проголодался. Знаю, тебе нужно решать эти твои китайские проблемы с плейерами, но может быть, выкроишь часок, чтобы посидеть в парке со старым другом и пригубить горячий пирожок с картошкой?

Она поморщилась.

– Я не гуляю по паркам в холодные мартовские полдни. И жирный фастфуд не ем тоже. Но я действительно проголодалась.

Как-то замаявшись, он сказал:

– К сожалению, сейчас я не могу себе позволить сводить тебя в более приличное место. Я думаю, так будет не всегда, однако сегодня мне нечего тебе предложить, кроме пирожка с картошкой. Но обещаю, что у тебя будет еще и с укропом.

Она вдруг рассмеялась.

– Знаешь, а поехали в «Шоколадницу»? Почему бы сегодня мне не пригласить тебя? Раньше я этого никогда не делала, по-моему.

Она вздохнула, вспомнив, как в две тысячи четырнадцатом она потеряла все мыслимые и немыслимые возможности потратиться на хотя бы еще один скромный комплексный обед, и пробормотала:

– Куй железо пока горячо.

– «Боже мой, что вы делаете? – вскричал Гаррет, гремя цепями – Я, так сказать, кую железо, пока горячо. Не перебивайте человека, который кует железо, пока оно горячо, это неучтиво. Вот так!»

– Откуда это?

– Ты что, не читала «Марсианских хроник» Брэдбери?

– В бизнесе времени на чтение, как правило, не остается. Есть время только на бизнес. Ты повязана узами брака со

своим бизнесом, спишь со своим бизнесом, все деньги приносишь только ему и думаешь круглые сутки тоже о нем. Ты работаешь в режиме всегда. Когда ты идешь по солнцу, от тебя вместо тени фонит работой. Если ты болеешь, ты принимаешь работу перорально по часам. И лишь если благосклонная судьба занесет тебя на почту, в самолет или в очередь, ты еще можешь вырвать из ее клешней обрывки книг, но это будет не проза.

– Наверное, всегда полезно уметь остановиться за пять секунд до того, как работа вынудит принимать ее ректально.

– Специфический юмор у тебя, однако. Хотя, если не лукавить, то бизнес без павлиньих хвостов и социальной мишуры так и выглядит: пока все думают, что имеют его, на самом деле он имеет тебя, сжирая по кускам.

– Мы все исправим, обещаю. Но, послушай, «Шоколадница» ведь в шестидесяти километрах отсюда. Зачем ехать в такую даль? Давай найдем что-нибудь по пути.

– Мы и найдем ее по пути. Сейчас сеть «Шоколадниц» в Москве довольно большая. Они не совсем похожи на советский вариант, но тебе понравятся. И фирменные блинчики там тоже есть. Хотя я, все же, думаю, во времена Союза их готовили вкуснее. Я тебе рассказывала, как меня ребенком водили туда родители?

– Рассказывала. Как вы стояли в очереди два часа, вас проводили в большой светлый зал и усадили за столики с белой накрахмаленной скатертью. Вы ели ароматные блинчи-

ки с изюмом и шоколадом, а на десерт заказали мороженое в железной розетке.

Она вновь замолчала и нахмурилась.

– Получается, что ты, все же, настоящий.

– Ну да. Насколько можно быть настоящим в текущих обстоятельствах.

## Глава 5

Прибыв в кафе, они торжественно уселись за столик.

– Да, все действительно изменилось. Теперь на столах даже скатертей нет.

– Не ворчи ты, словно девяностолетний старик. И можно, я попрошу тебя кое о чем?

– Проси, конечно.

– Давай не будем больше вспоминать сегодняшний эпизод с походом на кладбище и всю подобную тематику. Я не верю в твою теорию с параллельными реальностями. Но думать, что сижу с покойником, я как-то тоже не хочу. Давай мы просто представим, что я немного рехнулась на почве своей наполненной нервными перегрузками работе, и подменила реальность розовыми иллюзиями, выдавая желаемое за действительное. Я немного поживу в своей сказке, а потом все вернется на круги своя.

– Я не покойник! – вдруг он резко схватил ее за руку, пристально заглянув в глаза, – ты же видишь, я не холодный. Не знаю, как еще тебе доказать свою теорию, и пусть будет потвоему. Но я докажу тебе, что я не мертвец, и сделаю это очень скоро!

К ним подошла официантка, чтобы принять заказ. Увидев, что эти двое, кажется, ссорились, она остановилась рядом, нерешительно замявшись.

– Я рекомендую тебе заказать облепиховый чай, здесь он очень вкусный, с приятной кислинкой.

– Я, наверное, еще не привык к этой своей новой жизни. Раньше облепихи можно было нарвать на даче целую бочку и сделать из нее, что хочешь. Помню, как ненавидел, когда меня заставляли ее собирать ведрами. Такая мелкая и противная. Не могу уложить в своей голове, что за чай нужно заплатить целых 300 рублей.

– Я тоже ненавидела, – она горько вздохнула, – когда было что.

Оставив эту реплику без внимания, он взглядом подозвал официантку.

Они были заняты своей незатейливой трапезой, и казалось, что лед, наглухо запечатавший озеро их отношений, начал потихоньку таять.

– Помнишь, как мы ужинали в «Шоколаднице» в последний раз? – он радостно вонзил десертную вилку в торт.

– Еще бы. Такое забудешь. Полгорода проехать, чтобы обнаружить, что нас посадили в тот же самый зал, где проходили поминки. Теперь я думаю, что это был нам знак. Есть вещи, которые приносят большие несчастья в жизни. И это – одна из них.

– Не помню, чтобы ты раньше была такой суеверной.

– Это так. Но жизнь, она подлая штука, заставит. И теперь я точно знаю, что в ней нельзя делать всего три вещи: ужинать в зале с поминками, фотографироваться вместе на

Красной площади и не обращать внимания на геодезиста.

Он вдруг засмеялся.

– Выходит прикольно. Допустим, про зал ты права. Нужно было просто уйти, но после часа за рулем так хотелось есть. Но чем не угодила Красная Площадь и о, боже мой, несчастные геодезисты?

– Я никогда не верила в приметы. Хотя мама мне говорила, что нельзя фотографироваться с женихом, пока вы еще официально не вместе. Удачу сглазишь, и вы расстанетесь. Так и вышло. И наше с тобой первое и последнее совместное фото мы сделали на Красной Площади, к сожалению для всех. Никакой мистики. Что же касается геодезистов, то это шутка такая. Если ты идешь по лесу и вдруг видишь в нем геодезистов, которые что-то там меряют, высунув язык, может быть уверен, что вскоре там пройдет дорога, построят новый торгово-развлекательный комплекс, метро, а то и целый комплекс комплексов.

– Я всегда хотел жить без комплексов.

– Смешно.

Он вновь неожиданно сменил тему.

– Расскажи, чего в твоей жизни не было все эти годы?

– Ты всегда умел удивить. Зачем говорить о том, чего не было?

– Большинство людей живут по инерции. Просыпаются утром, бегут на работу, ненавидят понедельники, ждут пятницы, словно старая дева замужества, развлекают себя, как

могут, в выходные, и вдруг просыпаются на следующее утро, а тебе уже семьдесят. И ты узнаешь, что болен и стар. Что жизнь свою ты разменял на долг перед обществом, как будто этому самому обществу есть до тебя хоть какое-то дело. На страхи перед мнением о тебе других людей, которые, на самом деле, думают только о себе. На фильмы ужасов, которые живут лишь в твоей голове и никогда не воплотятся в жизнь. Если ты дашь себе труд подумать о том, чего не было, ты, возможно, не будешь разбазаривать жизнь, словно поддельный жемчуг на порванной нитке.

– Всегда считала, что философские мысли приходят в голову лишь тогда, когда в жизни есть слишком много свободного времени. Когда тебе целый день приходится крутиться как белка в колесе, бодаться с поставщиками, налоговой, умирять разбушевавшихся клиентов, отлаживать процессы, тебе не до мыслей о том, чего не было.

– Наверное, ты права. У меня было слишком много свободного времени, чтобы подумать, в том числе, и об этом.

– Лучше ты Расскажи мне о том, что было. Где ты жил с того момента, как я увидела тебя в аэропорту?

– Думаю, интереснее будет рассказать, на что. В кармане из документов я обнаружил лишь паспорт советских времен, с таким я самый настоящий нелегал. А где же может работать нелегал? Правильно, на фабрике по производству чего-нибудь такого же нелегального.

Услышав это, она вздрогнула.

– Не бойся. Нелегальное не всегда бывает криминальным. Я всего-то навсего шью постельное белье и одежду в компании с еще сотней таких же заводных ребят из бывших союзных республик. Хозяин экономит кучу денег на дешевой рабочей силе, но в итоге выигрывают все. К тому же, на этой фабрике мне предоставили койко-место в общежитии, так что и без жилья не остался.

– Да уж, кто бы мог подумать, что все обернется... обернется именно так.

– Я уверен, что это временно. Бедность – состояние ума. Когда-то давно я это понял благодаря тебе. У меня есть высшее образование, а значит, прорвемся.

– Думаю, у твоего высшего образования вышел срок годности. Кому сейчас нужен бывший сотрудник московского главка с образованием, полученном при царе Горохе, пусть даже и юридическим? Сейчас от тех законов и следа, небось, не осталось. Хотя ты и тогда-то был в юриспруденции не очень. А с нелегалами сейчас активно борются.

– И что мне сделают? Депортируют? Интересно, куда. Ладно, не забивай свою хорошенькую головку такими пустяками.

Пристально посмотрев на него, она вдруг сказала:

– Ген, что будет дальше?

– Вот об этом поговорить будет куда интереснее. Я хочу найти того, кто меня убил в...ээээ...старой реальности, и мне понадобится твоя помощь.

– Опять ты за свое. Ну, сколько уже раз можно говорить об одном и том же. Никто тебя не убивал, уголовного дела не заводили.

– Почему ты так уверена? Ты свидетельство о смерти видела?

– Нет. Но что это меняет?

– Очень многое. Но даже если все обстряпали по типу шито-крыто, я должен найти того, кто воткнул мне в машину тот резиновый шланг!

– Все, я больше не могу говорить на эту тему. Поехали домой. Сегодняшний день вышел просто расхитительным.

\*\*\*

До ближайшей станции метро они ехали в абсолютном молчании. Она чувствовала себя уставшей, а день, можно сказать, еще только начинался. Ей, как тому экспрессу в ночи, предстоит нагнать все несделанное за сегодня, потому что она больше не допустит, чтобы поезд ее бизнеса свалился с обрыва. Нельзя упускать счастливый шанс второй раз.

Избавившись от своего спутника, она вновь вырулила на дорогу, минут через двадцать попав в пробку. Черт! Все как всегда. Она ненавидела пробки, и поэтому больше всего и ценила в своей работе возможность в них не бывать.

Менеджеры принимали заказы, она проверяла их и пересылала поставщикам, те делали отгрузку и, получив деньги, платили разницу ей. У них был совсем маленький склад, если вообще так можно было назвать тот сарай, в котором она

держала небольшой запас бытовой техники, пришедшей из Китая.

Техника была так себе, из строя выходила быстро, но закупка была почти копеечной, и даже при том, что плееры и наушники клиентам продавались по совершенно смешным ценам, ее «навар» был ощутимо большим. С этим можно было бесконечно спорить, но теперь она как никто другой знала, что когда у тебя нет денег, бесполезно говорить себе и кому бы то ни было вообще, что один качественный плеер прослужит дольше, чем три его самые лучшие копии.

Когда у тебя нет денег, тебе не до рассуждений о сроках жизни, пусть даже эта жизнь принадлежит всего лишь бездушной пластиковой коробке. Это все равно, что покупать большие экономичные упаковки стирального порошка. Да, они обойдутся дешевле, чем маленькие, но денег-то стоят ого-го каких!

Взглянув на металлический шилдик на руле автомобиля, она как нельзя кстати вспомнила, что едет не в пропахшем потными телами автобусе, и мысленно улыбнулась свалившейся на нее удаче.

Включив радио, она поймала «Ретро-FM». Она любила эту радиостанцию, напоминавшую ей юные годы. Тогда они ходили на дискотеку, гуляли с подружками, а жизнь казалась резиновой. Но сейчас по радио крутили рекламу, и она продолжила поиски подходящей волны.

Вдруг, еще даже не успев понять, домотала ли уже до края

земли или нет, она услышала экстренное сообщение:

– Сегодня Центральный Банк отозвал лицензии у трех ведущих российских банков: Транслитбанка, Мострестбанка и Тройбанка, направив в суд иски о банкротстве указанных кредитных организаций.

Она даже присвистнула. В новостях объяснялось, что лицензии банков отозваны за различные нарушения. Больше всех отличился Тройбанк, который, как выяснилось, систематически вкладывал средства в высокорисковые операции с ценными бумагами.

На ее лбу выступила испарина. Тройбанк, который она за глаза прозвала Троян-банком, в свое время подставил ее на три тысячи долларов, вложив их в какие-то сомнительные операции. Было время, когда она сильно ненавидела и этот банк, и все его руководство, но с тех пор много воды утекло. По счастью, ей быстро удалось снять мантию обвинителя и продолжать строить свое финансовое будущее дальше. Никто не заставлял ее вкладывать деньги в этот банк. Она могла бы вложить деньги в депозит, но повелась, как жадная деревенская дурочка, на обещания мамой клявшегося брокера, липким голосом наобещавшего ей увеличение капитала на 30%.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.